

*Вельский Р. <Пильский П.М.> «Это не под
кадриль!» // Сегодня. Рига, 1940. 20 марта. № 79.
С. 4.*

„Это не подь кадрили!“

«НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ». — ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ОСКОЛКИ». — 20.000 РАЗКАЗОВ. — НА ЗАТЫЧКУ. — ПОДПИСЧИК СЪ ЖЕНОЙ И ДОЧЕРЬЮ. — ПОЧЕМУ АЛЕКСАНДРЪ ИИ УВЛЕКАЛСЯ ЛЕЙКИНЫМЪ.

Несколько лѣтъ тому назадъ въ Ригѣ была выпущена книга Н. А. Лейкина «Наши заграницей» — юмористическое описание поездки Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно. Угадайте, какое по числу это было издание? 33-е! Черезъ годъ въ Ригѣ вышла другая книга Лейкина: «Гдѣ апельсинъ зрѣетъ». Это было 40-е издание.

Смѣшно, хотя и грубовато, эти книги рассказывали, какъ купеческая чета попадала въ самые неловкія положенія, участвовала европеевскими порядкамъ и оценкамъ глупавшая на то, что въ Германіи и Франціи все не такъ, какъ имъ привычно. Давно умеръ Лейкинъ, давно и широко распространялись эти путешествія Николая Ивановича и Глафиры Семеновны, и нѣкогда Лейкинъ не считался большимъ писателемъ. Въ Петербургѣ онъ издавалъ юмористическій журналъ «Осколки», въ немъ работалъ молодой Чеховъ, писавъ подъ разными псевдонимами: Чехонте, Руверъ.

Къ Лейкину онъ относился хорошо, часто писалъ ему письма, звалъ къ себѣ. «Человѣчина онъ славный, чистый и скупой», — характеризовалъ онъ своего издателя въ письмѣ къ брату Александру. Въ «Осколкахъ» Чеховъ посылалъ московскія фельетоны, называя ихъ «маленькой ерундичкой», иногда самъ признавался, что все вышло «ужасно», «материала никакого», «букально ноль»: кромѣ самоубійства, плаховъ мостовыхъ, манекеновъ гулянья, Москва не дасть ничего. Слалъ какіе-то «куллетости», просилъ съ ними не перемешивать, — «данною вамъ отъ Бога вѣстие херте все неудобное и подозрѣваемое въ негодности». Изъ года въ годъ весной и лѣтомъ строчилъ дачные рассказы, свою «Дочь Агния», таинственную юмористическую вещь, считая дачною «шороче сдѣлать никакъ не мотъ: если не сходится, то благоволятъ прислать ее мнѣ обратно».

Никогда возвращавша фельетоны и рассказы Чехова не подходили. «Осколки» по его мнѣнію, былъ хорошии журналомъ, по крайней мѣрѣ, лучше всѣхъ остальныхъ. Угнеталъ Чехова недостатокъ темъ: «сдѣлать по Москвѣ глѣть, что плату по поттинку за каждую сносную тему». Лейкинъ Чехову нравился, какъ авторъ, удивило его многообразие. Дѣлательство,

самъ Лейкинъ гордился: «У меня 20.000 разказовъ». Въ 30 лѣтъ Лейкинъ былъ извѣстнымъ писателемъ и церковнымъ старостой, въ 40 лѣтъ сталъ домоуправляющимъ, членомъ городской думы, членомъ правленія Кредитнаго Общества и редакторомъ издательства «Осколковъ». Сильнъ и былъ хозяйственнымъ человѣкомъ.

У Лейкина было несомнѣнное редакторское чутко. Цѣну Чехову онъ зналъ, прибавлялъ ему посторонній говораръ, понималъ, что есть расчетъ выдѣлать ему авансомъ въ 30 и даже 100 рублевъ. Часто посылалъ ему заказы: «Сдѣлаю мотю о высылкѣ разныхъ литературныхъ разностей...». «Вуду печатать ваши разказы по шутинкѣ...». «Разказы въ затычку присылаете время отъ времени...». «Ели какія-нибудь русскія для «Осколковъ» не подходить. Лейкинъ говоритъ: Это не подь кадрили!».

Надъ такими «лейкинскими» выражениями смѣялся, — онъ не обижался, въ своихъ разказахъ любилъ просторѣе и словесные выкрутасы, вродѣ «подложка ногъ». Ему нравились, что, извѣстнаго писателя, изображали смѣтливыми, торговыми человѣкомъ, дѣлито, что онъ материально независимъ, смѣтилъ своимъ талантомъ создавать себѣ крѣпкое благополучіе.

Такими же, хорошо — устроенными въ жизни людьми были и его герои: купцы, домоуправляющіе, подрядчики, торговцы мясомъ. Бестревожно они вертели разные дѣла, засылали въ кредитныя общества, купили въ ресторанахъ «Малый Ярославцевъ», угнетали тамъ знаменитыя учки съ грузинами, играли въ преферансъ. Тутъ средѣ Лейкинъ зналъ близко, съ удовольствіемъ описывалъ эти борюды и шутки. Зналъ, и рѣчь такъ звучала у него смѣшно и почти естественно. Онъ былъ героемъ Лейкина, и Лейкинъ былъ героемъ Лейкинистаемъ, любимицимъ и авторомъ — потъ отъ ихъ поты, свой человекъ.

Молодой Антоша Чехонте внимательно читалъ Лейкина, и ему свои собственные рассказы начинали казаться искусственными, шаржированными. Нравился Лейкинъ и тѣмъ, кого онъ описывалъ, его чита-

ли безъ отосаго и съ любовью. Чехонте также и писатели, у него была большая аудитория, пришелъ онъ по вкусу Александру III. Его привлекали лейкинскими описаніями крестинъ, свадьбъ, именнъ, розговѣвъ, оиванной недѣли. Эти мѣста Александру III читалъ вслухъ своей семьѣ. Это составляло гордость Лейкина. Онъ считалъ себя любимицимъ писателемъ, и вѣнчаніе царя считалъ оно ему право закончить, что вѣнчаніе открывалъ для себя двери поводу.

Писатели надъ нимъ подтрунивали, разсказывали о немъ анекдотическія исторіи, — Лейкинъ на это не обращалъ вниманія. Конечно, иногда было оидно усиливаться, какъ тогъ или иной удачно его высказалъ, но у Лейкина было въ этихъ случаяхъ утѣшеніе. Онъ искренно дѣлалъ, что ему заидуиутъ, — заидуиутъ его популярности, благополучію, устроенной жизни, хорошо налаженнымъ дѣламъ, распространено его юмористическаго журнала, тиражаемъ его книгъ, неумоимости его пера.

Людей не устроенныхъ въ жизни Лейкинъ жалѣлъ. Они ему казались какъ бы уродами, тѣмъ-то недоверженными, странными, непонимными: всѣ онъ — одиококи. Достоевскій, Успенскій, Гаринъ, дѣлалъ другіе нудадоты, въ которыхъ почти бездумны, вѣдно оторченъ и озабоченъ: развѣ это жизнь? А у него, Лейкина, дѣлалъ графа Строганова, да и какъ ему не жалѣть этихъ писателей, если они руты и сжигаютъ свои рукописи, забываютъ величайшую тоску, кончатъ сумаоствѣи (Гдѣ Успенскій), или самоубійствомъ (Гаринъ), ничего осязаемаго не оставляя, пусть постѣ себя, даже предсмертныхъ записокъ.

Къ Чехову онъ относился дружелюбно, и въ то же время снисходительно. Разумѣется, и тутъ не послѣднюю роль игралъ расчетъ. Зорко и коое смотрѣлъ Лейкинъ на сотрудничество этого студента — медика въ другихъ журналахъ. Когда въ оидномъ нѣтъ появлялась какая-нибудь вещь Чехонте, ему Лейкинъ писалъ мягкія рецензіи шесма, упрекалъ, что лучшее оидъ будто бы всегда дается не въ «Осколкахъ», а въ другіе журналы. Для него Чеховъ былъ талантливымъ сотрудникомъ. Во еиъ оидной изъ статей хохла.

Лейкинъ былъ типичнымъ редакторомъ въ «Осколкахъ» у него было все прочное, а нахлѣпкъ уклоненій отъ программы своего журнала онъ не допускалъ и больше всего боялся утомительной серьезности. Дѣлантизмъ Чехонте это понималъ. Ити наперекоръ программѣ и тону «Осколковъ» не хотѣлъ. Его разсказы «Верба» и «Воръ» Лейкинъ наметалъ слышкомъ серьезными. Чеховъ съ этимъ согладался, — еиъ, — объясналъ онъ въ шес-

мѣхъ, — я не посылалъ бы вамъ не смѣловитыя вещи, если бы не руководствовался при посылкѣ кое-какими соображеніями. Мнѣ думается, что серьезная вещь, маельная, строкъ, привѣрно, въ 100, не будетъ сильно рѣзать глазъ, тѣмъ болѣе, что въ заголовкѣ «Осколковъ» нѣтъ словъ «юмористическій» и «сатирическій», а словъ «юмористическій» и «сатирическій» нѣтъ, а потому въ посылку безвѣдному какому-то въ этомъ отношеніи. Лейкинъ былъ твердъ: тутъ переубѣдить его было нелегко. Чеховъ посылалъ въ «Осколки» разсказы объ утерѣ Пришибѣвъ. Лейкинъ задумался. Ему уже безъ того стало давно казаться, что Антоша Чехонте отходитъ отъ основной линіи журнала, все болѣе склоняется къ настоящей безлестности, гнетъ не туда, куда нужно, — а журналу «Осколки» совсемъ не желаетъ походить на типичнейшій ежемѣсичникъ. Разсказъ Чехонте показавша Лейкину длиннымъ и сухимъ. Все же онъ его сдѣлалъ въ наборъ, — къ его счастью, утѣра Пришибѣвъ запретила цензура.

Чеховъ убѣждалъ Лейкина, что въ заголовкѣ «Осколковъ» нѣтъ словъ «юмористическій» и «сатирическій». Однако Лейкинъ по своему напоминалъ своимъ сотрудникамъ программу: «Осколковъ»: юморъ, только юморъ, вселѣ юморъ. Писать надо коротко, какъ мотю короче. Во первыхъ, въ журналѣ мало мѣста. Во вторыхъ, всѣ дѣлные покое на серьезное. И особенно осторожнымъ сдѣлать бытъ относительно какой бы то ни было фривольности, — не забывать, что подписчикъ «Осколковъ» болѣе часта человекъ семейный, и у него есть жена, а можетъ быть, и дочери. По этимъ соображеніямъ, Лейкинъ забрало чеховскій разсказъ «Въ Москвѣ на Трубѣ».

Онъ, редакторъ, полагалъ, что въ юмористическомъ журналѣ не мѣсто этнографіи, главное, чтобъ все было остроумнымъ: Лейкинъ откровенно говорилъ, что нудымъ «выверти». Это былъ экономическій, и у него была старшая бѣтхалтеръ. Когда кто-нибудь изъ сотрудниковъ просилъ о прибавкѣ говорара, Лейкинъ приходилъ въ полное волненіе: «Характерная просьба», — бормоталъ, ити и лию у него становилось красивымъ. Онъ былъ возмущенъ, что сотрудникъ проситъ прибавка не изъ желанія получить побольше денегъ, а съ цѣлью принудить, напомнить о томъ, что можно уйти въ другой журналъ.

Любитель въкусно поѣсть. Лейкинъ въ рецензіи «Осколковъ» вѣдтъ вскрикивалъ: «Душно», и просилъ къ ову. Прибавлялъ онъ тутъ, нуду ову копеекъ за строкъ. Чубъ чужаеишій, бѣдкетъ, посылалъ самъ вѣдтъ болѣе: эти матеріалы были безплатными и ничего не стоили карману Лейкина, а цѣдтъ онъ мотъ, когда — угодио и оидно — угодио. Дѣлтъ онъ

домовито, любилъ хозяйничать у себя, сажалъ шѣтъ, почему — то вѣдтъ украсилъ чутъ — ли не всѣхъ сѣтъ георгинами, и Чеховъ ему вѣдтъно посылалъ отъ этихъ георгиновъ, — искусственныхъ и коидныхъ шѣтъ. Лѣтнимъ вечеромъ, вѣсунимомъ къ себѣ на дачу, Лейкинъ посылалъ камъ бы, страдая, научился надъ ними пожева. Гостямъ объяснялъ: «Чубъ похвѣтъ. Странное дѣло: тодѣтъ въ бѣхъ».

Все у этого человѣка было сдѣлаво предъ устроительство. Онъ и своихъ гостей угощалъ, какъ бы по рангу. Инымъ показавъ икру, балки, семгу, дичъ, другимъ оставался только чай. Все у него было налажено, — казалось, можно было и о чемъ не беспокоиться, ни перавъ чѣтъ не надо было тревожиться, все оставалось спокойнымъ и тихимъ, и въ чужихъ «Осколкахъ» чѣтъ не мѣдтъ Лейкинъ вынуждалъ, болѣе, какъ бы не вышло пометъ оидтъ нымъ. Нервотъ этой непринужденной позорительности часто бывалъ и Чеховъ. Его разсказъ «Ворона», плавившій и плѣдуюннень, Лейкинъ прочелъ и рѣшилъ, что Чеховъ написалъ неприничную вещь, и выбросилъ все, что показалося ему слышкомъ рѣкимъ.

О Заво другой разсказъ Чехова «Добрый вѣдтъ» привѣлъ его въ восторгъ.

Мастеръ Иванъ Карповичъ Швей, вернувшись домой, увидѣлъ свое мѣсто въ спальнѣ занятымъ: тамъ лежалъ громадный мужчина съ длинными чумаи. Требуя отъ сотрудниковъ особой осторожности къ такимъ темамъ, считая ихъ совершенно безвѣдны, Лейкинъ въ журналѣ «Осколковъ» набралъ флѣма: напечатать безъ коаса-нѣи. Этотъ разсказъ онъ считалъ лучшимъ у Чехова. Этихъ двухъ юмористовъ, редактора и сотрудника, связывала общность дѣла, установившая личныя отношенія и еще то, что Чеховъ признавалъ одаренность Лейкина, не разъ хвадѣно высказывался о его разсказахъ, особенно о его книгѣ «Пѣтъ заповѣдей». Кромѣ того, Чеховъ надо было жить, онъ и въ ту пору содержалъ всю семью.

Но постепенно, пристраивавша въ Лейкина и его писаніямъ, Чеховъ началъ понимать, что они совсемъ не такъ хороши, какъ ему казалось раньше: разсказы ему стали казаться невѣдательными, сырыми, грубоватыми. И Лейкинъ, какъ человекъ, паталнивалъ все кѣтъ, — человекъ, отидѣй себя паживѣ, челоовѣчншій, некудѣишій писатель.

Вышли, она за лѣтвой книга Чехова, о нудъ появились поименные отзывы, имя Чехова получило значѣстество. Вѣкоръ онъ былъ прилагать въ «Новое Время». Связи съ Лейкинымъ слабили. По томъ обавалась. Теперь уже Чеховъ мотъ сказать его въ словами:

— Это не подь кадрили.